

ДАРИНА
ВЗБ

ЦИКЛ "МАМИНЫ СЫНОЧКИ"

**ЗАСТАВЬ МЕНЯ
ЗАБЫТЬ**

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Дарина Вэб

Заставь меня забыть

<https://litres.ru/74214753>

Аннотация

— Цыпа-цыпа-цыпа... — зову на весь коридор рыжую дрянь.

Она проходит мимо, задрав нос, и даже не реагирует.

— Зря ты так. Я люблю непослушных девочек ломать.

— Сатир, не надо, — осекает меня Поэт.

— Не встречай! — угрожающе рычу на него.

Коридор забит студентами, а значит, мой выход.

— Тебе уши прочистить?! — догоняю её, хватая за распушенные рыжие волосы, и тяну на себя.

Она прогибается в шее, убийственным взглядом смотря мне в глаза.

— Убери руки! — Лицо покрывается красными пятнами, выражая её нервное состояние.

— А если не убегу? — как ненормальный тороплюсь надышаться грёбаным жасмином. — Что ты мне сделаешь? А? Применишь гипноз? — Наклоняюсь к её уху и вкрадчиво шепчу: — Или у тебя в рукаве ещё тузы остались? — Прикрываю глаза, наслаждаясь мимолётным теплом её кожи.

Тянет! Не могу себя контролировать. И простить не могу. Ненавижу до безумия, до бешенства во всём теле. Готов

придушить её в приступе ярости, чтобы никому не досталась, чтобы я забыл её раз и навсегда!

Книга читается отдельно от первой части

Первая книга

История Шэра

Содержание

1 глава	5
2 глава	10
3 глава	16
4 глава	26
5 глава	35
6 глава	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1 глава

Сатир

Злость во мне бурлит, словно лава в недрах вулкана. Алкоголь распяляет её, пробуждая в душе жажду сочной мести.

Дверь самой ненавистной аудитории расплывается перед глазами. Я пытаюсь сообразить, за какую из двух ручек взяться, чтобы не промахнуться.

Мозг ещё соображает, но конечности уже подводят.
Берусь посередине и попадаю с первого раза. Открываю дверь, чуть навалившись плечом, но умудряюсь устоять на ногах.

Врываюсь без приглашения и вопреки желанию любимой мамули.

В аудитории полно студентов, будущих психологов. Улыбаюсь им идиотской улыбкой. Они смотрят на меня как болванчики, пытаюсь понять, что происходит.

Мне плевать на их взгляды и шепотки. У меня цель! Где же моя рыжая сука?

Прощупываю глазами каждое яркое пятно. Рыжий свитер? Рыжая блузка? Нет, моей зеленоглазой твари здесь нет.

Мать что-то объясняет у доски, чертит, не замечая прихода любимого сына.

Она старается быть лучшей преподавательницей во всём университете для своих учеников. Кукушка хренова!

Лучше бы она стала достойной матерью!

Студенты молча таращатся, боясь издавать звуки. А мне-то похрен! Я могу делать что хочу и где хочу, а ещё, с кем хочу!

Мой отец — ректор! Максимум, что мне грозит — это выговор. Да и плевать! Потрындят и заглохнут.

Мать сама дала мне карт-бланш, когда издевалась надо мной, как над пятилетним сопляком. Кто ей дал право?

— Мамуля, обрати внимание на сына, — хлопаю в ладоши, еле держась на ногах.

Дерзкий звук в тихой аудитории раздаётся оглушительным эхом.

Лови, мамуля, ответочку! Только не обляпайся!
Скалюсь, видя её напряжённую спину.

— Давай... Повернись...

Она оборачивается, опускает очки на нос и пристально изучает меня.

Как же я ненавижу этот строгий взгляд! Он, как яд кобры пробирающийся под кожу. Выжимаю из себя всю кобелиную сущность, чтобы стереть это выражение с её лица.

Пусть подавится!

Могу поклясться, что она думает, как с помощью психологического приёмчика уговорить пьяного сына.

Хрена тебе лысого!

Больше я на такое не поведусь. Да и с пьяным такие штучки не работают.

Маниакально расплываюсь в улыбке, чтобы она видела, какого монстра выпустила наружу. Осознала, что меня не остановить.

— Ты, жаба, всю жизнь мне испортила! Полюбуйся на результат своих трудов! — тычу в себя двумя руками. — Ну! Нравится? — реву, как дикий зверь, на всю аудиторию.

Горе-мамаша ни капли не смущена поведением сына. Лишь скулы заострились от явной злобы.

Студенты притихли, как крысы в мышеловке.

— Александр Тирский, выйдите из аудитории в коридор. А лучше идите домой и отоспитесь, — говорит она холодным тоном, делая вид, что я для неё пустое место.

Не получится, мамочка. Контроль утерян. Придётся играть по моим правилам!

— А я не хочу домой. Я хочу эту твою тварь, рыжую любимицу. Где она спряталась? Ау! — наклоняюсь и заглядываю под стол.

Девка, сидящая за ним, взвизгивает и подпрыгивает со стула. Чего я там не видел? Трусов бабулькиных?

— Не ори! — вставляю палец в ухо и прочищаю его от глухоты. — О, ботаничка! — доходит до меня, когда поднимаю глаза на ультразвук этой группы. — Дай очки померить, — тянусь к ней и заваливаюсь на стол.

Не знаю, как так получается, но я лечу башкой вниз и ударяюсь о пол прямо темечком. По сути, втыкаюсь башкой и переваливаюсь на спину, разложившись между партами.

Мне не больно. Вся боль внутри. В глубине сердца. Давит! Брызжет красным фонтаном!

— Какие же вы все ублюдки, — бубню себе под нос. — Учитесь, как управлять мозгами людей! — выкрикиваю сильнее, чтобы каждый слышал. — Да чтоб вы все сдохли! — смотрю в потолок, а он плывёт вместе со мной.

— Максим, помоги, — слышу строгий голос матери в сторону студента, но вставать вообще не хочется.

Такая усталость навалилась, что хочется просто отрубиться. Забыться, уйти в себя. Что угодно, лишь бы не чувствовать.

Но эти двое волокут меня куда-то. Пыхтят, но упираются. Теперь и мозг накрывает. Всё плывёт и скачет вокруг, но только не зелёные глаза, которые мерещатся на каждом шагу.

— Пусть у тебя здесь отоспится, — командует мама, и меня кладут на мягкую поверхность.

Сопротивляться нет сил, даже язык еле шевелится.

— Отосплюсь и вернусь. Уничтожу вас обоих! — выкрикиваю, получая удовольствие от ненависти, рвущейся из меня рваными клочьями.

И наконец-то успокаиваюсь, проваливаясь в забытье.

—————
Дорогие читатели, рада приветствовать вас в новинке! Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не потерять.

Ставьте лайк, на главной странице книги, мне будет очень

приятно.
Приходите в мой ТГ канал, ссылка находится
во вкладке "Обо мне". Всех обняла)

2 глава

Сатир

— Цыпа-цыпа-цыпа... — зову на весь коридор рыжую суку.

Она проходит мимо, задрав красивый нос, и даже не реагирует.

Длинные волосы блестят в свете солнечных лучей, пробивающихся через стекло, притягивая мой голодный взгляд.

Зря ты так. Я люблю непослушных девочек ломать. Как ломали меня. В крошево разодрав всё нутро.

— Сатир, не надо, — отсекает меня Поэт, хватая за локоть. Друг, как обычно, вносит свою лепту.

А не хрен меня учить. Научили уже, да так, что жизнь адом показалась.

— Не встревай! — угрожающе рычу на него, дергая рукой.

Меня уже не остановить. Я, как бык на красную тряпку, бегу. Стоит ей только появиться в универе. Стоит только пройти мимо.

А все вокруг ожидают трешачка. Который я им с огромным удовольствием подкидываю, как дрова в топку.

Испытываю нереальное удовольствие втапывая её гордость в грязь. Прогибая осанку до предела. Видя при этом страх в зелени её глаз.

Страх...

Им я питаюсь, как вампир. Только так чувствую себя живым.

Коридор забит студентами, а значит — мой выход.

— Тебе уши прочистить?! — догоняю её, хватая за распущенные рыжие волосы, и тяну на себя, ощущая шёлк в руке.

Не церемонюсь! Тот Сатир потерян навсегда!

Она прогибается в шее, убийственным взглядом смотря мне в глаза.

Перед глазами её черновик, попытки оправдаться, а по коже ползёт лютый мороз. Снова и снова проживаю тот вечер, как грёбанный садист.

— Убери руки! — лицо покрывается красными пятнами, выражая её нервное состояние.

Со временем память стирает следы плохих дней, но только не у меня. Меня заклинило! Одна и та же сцена, как на повторе. День сурка в действии.

— А если не убегу?! — как ненормальный тороплюсь надышаться грёбанным жасмином. — Что ты мне сделаешь? А? Применишь гипноз? — наклоняюсь к её уху и вкрадчиво шепчу, кайфуя от аромата. — Или у тебя в рукаве ещё тузы остались? — прикрываю глаза, наслаждаясь мимолётным теплом её кожи.

Пусть таким дебильным способом, но я добираюсь до преисподней, в которой чувствую себя живым. И мне плевать на её чувства. Она не способна на эмоции. Так пусть получает, что заслужила.

— У меня парень есть! — шипит, как змея, и, пока я в пространии от убийственной информации, отчаянно толкает меня.

Образы переплетённых тел, как удар под дых. Зря она это сказала. Из меня все черти лезут разом.

Я отлетаю от неё, но успеваю схватить за локоть:

— Чо ты лечишь?! — рычу от ярости ей в губы, рассматривая их как самое порочное лакомство. Не верю! Не могла она так быстро сориентироваться. Или могла? — Вот ты сука! Сразу на двух членах прыгала, тварь! — срываю на неё всё, что рвётся из меня.

Никак не въезжаю, когда успела? Она неделю в больничке провалялась с пневмонией, ещё неделю долечивалась дома. Неужели в больнице успела кого-то зацепить своими психологическими приёмами?

— Хоть бы на трёх. Тебя это не должно волновать! — из зелени глаз летят искры, белки блестят от ненависти.

А я готов придушить её. Взять за хрупкую шею рукой, сдавить, чтобы почувствовать бешеный пульс и горячую плоть.

Моя она игрушка! Моя! Точка!

Но моя публика жаждет зрелищ. И я втаптываю её репутацию до нуля, чтобы никто к ней не подходил, чтобы считали прокажённой.

— Хм, — принимаю расслабленную позу, но руку сжимаю до боли. — Прикинь, волнует! Придётся провериться, анализы сдать. Вдруг ты заразная! — натягиваю гордую ух-

мылку, хотя внутри черти сжигают меня в пепел.

Мне тут же прилетает смачная пощёчина. Щека горит, но мы продолжаем стоять и буравить друг друга жалящим взглядом.

Я эти глаза ненавижу, но не смотреть в них не могу. Я в них погибаю и снова воскрешаю, превращаясь в ублюдка без рода и племени.

От нас пышет яростью, агонией и диким возбуждением.

Поднимаю руку, расширяя пальцы как можно шире, напряжённо сжимаю их в ледяной кулак. Костяшки белеют, пальцы немеют от удерживаемой ярости.

Рыжая только выше задирает свой нос, кидая мне вызов непреклонным характером.

Кулак врезается в стену возле её лица, но она нисколько не испугана. Держит марку, как элитная дрянь. И это заводит так, что ширинка трещит по швам.

Член решает жить своей жизнью и дико хочет наказать эту зарвавшуюся дрянь. Чтобы помнила, кто здесь биг-босс.

— Чего ты ждёшь? Ну же! Ударь! — кричит мне в лицо, тяжело дыша. — Может, тогда я смогу выдохнуть. Ударь! — продолжает провоцировать.

Зря она так. Карт-бланш в моих руках. И я ударю. Ударю! Но по-другому. Так, как она не ожидает.

Вокруг нас собралась толпа зевак. Телефоны облепили со всех сторон, снимая нашу перепалку.

Меня бесит всё. Из меня рвётся зверьё, дикое, бешеное, в

котором отсутствует разум. Пру на одних первобытных инстинктах.

— Свалили все! Галопом! — рву глотку на толпу.

Они разбегаются за секунду, лишь Поэт стоит неподалёку, наблюдая за тем, чтобы я не перешёл грань.

— Я не буду пачкать руки о такую тварь, как ты! — последний раз набираю полные лёгкие жасмина и толкаю её от себя, отпуская рыжие волосы.

Она почти падает, но в последний момент удерживается на ногах. Обидно, но не критично.

У неё будет ещё время содрать колени в кровь, принимая в рот мой член. Неизбежность такова.

Теперь рыжая — девочка для битья и отсоса. На большее не тянет.

Стою спиной к ней, дожидаясь, что свалит быстро, не раздумывая.

Тянет, сука! Не могу себя контролировать. И простить не могу. Ненавижу до безумия, до бешенства во всём теле. Готов придушить её в приступе ярости. Чтобы никому не досталась. Чтобы я забыл её раз и навсегда!

— Сатир, пойдём сегодня в клубешник сгоняем, — предлагает притихший Поэт. — Расслабимся, девочек снимем.

Отвращение пробивает грудину, стоит только подумать о чужих касаниях. Но я должен! Должен пересилить себя и снять напряжение, иначе разнесёт не только меня, а всё окружение взрывной волной.

Если бы не друг, мне бы даже жить негде было. И он терпит мои срывы. А я продолжаю отрываться на славу.

3 глава

Ника

В очередной раз убежать от разгневанного Сатира получилось, но чего мне это стоило... Каждая мышца болит, будто я пробежала не пару коридоров, а марафон сквозь колючие заросли.

После возвращения с больничного я ожидала чего угодно, но только не такой слепой, животной агрессии.

Я вижу в глазах, которые ещё совсем недавно смотрели на меня с нежностью, лютую ненависть. Понимаю, что не простит. Знаю, что сама во всём виновата. Но и принимать такое поведение не собираюсь, хотя внутри всё сжимается от боли и стыда.

Спрятавшись в туалете, пытаюсь прийти в себя. Дышу глубоко, считаю до десяти, но плохо получается, потому что студенты, заходящие покурить, смакуют моё унижение.

Их шёпот режет слух, как стекло:

— Ты видела, как Сатир эту рыжую?

— Так ей и надо!

— А чо случилось?

— Не знаю, все молчат. Но её никому не жалко. Значит, сама дел натворила.

— А если нет? Если Сатир просто издевается над ней?

К сожалению, не просто. Но в любом случае это непра-

вильно. Хотя кому говорить о правильности поступков? Не мне точно.

Ехидные голоса только добивают меня. На ненавистные взгляды я стараюсь не обращать внимания, но пересекаться с Сатиром не имею никакого желания. Даже мельком, даже случайно.

Слезы медленно текут по щекам, оставляя горячие дорожки. Дожидаюсь, когда остаюсь одна, и выхожу из кабинки.

В зеркало на меня смотрит панда. Размазанная тушь, красные глаза, опухшее лицо. Приходится смыть всё это безобразие, потратив драгоценные минуты начавшейся пары.

Время, которое я могла бы потратить на учёбу — ту самую учёбу, что всегда была для меня опорой и смыслом.

Из-за проблем, которые я создала сама себе, учёба отошла на второй план. А я не привыкла отставать. Всегда во всём стремлюсь быть лучшей.

И сейчас чувствую, как эта планка рушится, как будто я падаю куда-то в пропасть, откуда не видно света.

Выхожу из женского туалета, а на меня летит Ярик Стрельцов, лучший нападающий нашей футбольной команды.

Почти сшибает с ног, но успевает меня подхватить за талию, прижимая к себе. За ним гонится их вратарь, и я понимаю, что меня сейчас зашибут. Но Ярик успевает меня отпустить и закрыться в женском туалете.

Всё происходит настолько быстро, что я не успеваю сооб-

разить, что происходит. Мир вокруг будто замедляется, а потом резко ускоряется. А я уже стою, прижавшись к стене, с колотящимся сердцем.

— Открывай, чепушило! — стучит в дверь Максим.

— Не догнал — проиграл! — ржёт с другой стороны двери Ярик.

— Нихрена! Моя победа, нехрен прятаться. А ты чо вылупилась? — обращает внимание на меня, стоящую столбом.

— Тебя не спросила, — отвечаю тем же раздражённым тоном.

Разворачиваюсь и ухожу. Футболисты... Они же безмозговые, только и знают, что за мячиком бегать по полю. Ай-кью ниже среднего, одним словом — быдло.

Но почему-то именно сейчас их смех кажется мне особенно громким, особенно издевательским.

Тихо проскальзываю в аудиторию, пока педагог что-то чертит на доске. Сокурсники начинают перешёптываться. Я чувствую эти взгляды спиной, кожей, каждой клеткой тела. Видимо, все видели мой очередной позор.

Настроение совсем скатывается к нулю. К какому-то чёрному, вязкому нулю, в котором нет ни света, ни надежды.

Опускаю глаза в планшет и чувствую себя ущербной. Никогда такой не была. А сейчас мне кажется, что я скатилась ниже плинтуса, и что дальше будет только хуже.

На телефон приходит сообщение:

«Зайди ко мне после пар».

Только этого мне не хватало! Ладони потеют, в горле пересыхает.

Ладно, посмотрим, что она на этот раз придумала.

После третьей пары к нам в аудиторию заглянул Ярик, провёл глазами по одноклассникам и остановился на мне.

Расправил плечи, как это полагается у самцов в животном мире, задрал подбородок повыше и двинулся в мою сторону.

Я делала вид, что не замечаю его, но когда он встал передо мной, пришлось поднять голову, так как его массивная тушка создавала мощную тень, закрывая мне весь обзор.

— Хотел извиниться, — прыгает филейной частью на стол, тот прогибается под весом Ярика.

— За что? — пытаюсь понять его мотивы, но в голове только гул и пустота.

Пожимает плечами, протягивает руку к моему лицу и хочет поймать локон волос, но я успеваю дёрнуться назад, строго смотря на Яра.

Он делает вид, что ничего не произошло, но бровь подлетает, показывая, что он удивлён.

— Я тебя чуть не сшиб. Может, могу как-то загладить свою вину? — включает всё своё обаяние.

Он, конечно, симпатичный парень. Спортивная фигура, голубые глаза, шикарный блондин с невероятной харизмой. Но не моё.

Не могу я сейчас даже смотреть на других парней, не то что принимать ухаживания. Внутри всё будто замёрзло, по-

крылось коркой льда, и нет сил оттаять.

— Спасибо, ничего страшного не произошло, так что не беспокойся, — отмахиваюсь от него, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Случайно оборачиваюсь, а может, и нет, просто затылок так страшно заныл, будто его кто-то сверлит без тормозов.

Конечно, как я могла забыть про девочек, поклоняющихся нашей футбольной команде, а точнее, двум друзьям: Яру и Максиму.

Это точно не моя война, мне бы на своём боевом поле навести порядок, но, кажется, меня уже вписали во враги. Фанатки футболистов смотрят на меня так, будто я украла у них что-то ценное.

Поворачиваюсь к Яру, в надежде, что он свалит и не будет добивать мою репутацию до самого дна.

— Ты же понимаешь, что не уйду. Соглашайся, — берёт мою ручку и вертит в руках, не отрывая взгляда от моего лица.

— Яр, посмотри, сколько желающих, — жестом руки показываю за спину. — Выбирай любую.

Он наклоняется ближе, и я чувствую запах его парфюма. Свежий, морской, но сейчас он кажется мне чужим и раздражающим.

— Не хочу любую. Подумай, и Сатир отстанет. Я же так, помочь хочу.

А как же, помочь он хочет...

Усмехаюсь про себя, но улыбка выходит кривой, болезненной.

Но как вариант, чтобы мои слова о парне не были голословными, можно сделать вид, что мы вместе. Мысль холодит разум, но внутри что-то протестует. Не хочу играть в эти игры.

— Сколько стоит твоя помощь? — включаю мозги и начинаю анализировать, но голос звучит глухо, безжизненно.

— А это мы обсудим позже, — проводит пальцем по моему носу и спрыгивает со стола.

Видимо, не все футболисты безмозговые, есть у них хитрость и ай-кью выше среднего. Но мне бы дожить до диплома и испариться из универа, забыв обо всём. Только как подумая, что и Сатир исчезнет, становится совсем хреново, будто кто-то сжимает сердце в тисках.

Пары отсидела со скрипом, стараясь не высовываться. По коридору я пробежала со свистом, не дай бог попасться Сатиру под горячую руку.

Поэт, с которым, как мне казалось раньше, был хоть какой-то коннект, сторонился меня и делал вид, что мы не знакомы.

Понятно, что он на стороне Сатира, а влезать в их дружбу я не стремлюсь. Не настолько я упоротая, чтобы ссорить друзей детства. Но от этого ещё больнее, будто меня отрезали от всего мира, оставили одну в этой холодной пустоте.

После пар направилась к Анне Петровне. Её вина в моём

положении тоже была, но минимальная. Сама кашу заваривала, самой и расхлёбывать.

Перед её кабинетом выдохнула всю нервозность и вошла. Она, как обычно, сидела за столом, изучала с интересом какие-то бумаги. Но в этот раз очень быстро переключилась на мой приход, даже не заставила ждать.

— Присаживайся, — показывает рукой на стул сбоку от её стола.

Не подчиниться своему куратору, значит, прощай красный диплом. А может, что ещё похуже.

Жена ректора может многое, хотя если учесть некоторые моменты, о которых я узнала от Веры, то можно подумать, что меня Анна Петровна топить не будет.

Но сейчас я не чувствую ни надежды, ни опоры, только тяжесть, давящую на плечи.

— Начнём с главного, — высокомерный тон — это её манера общения, как защита перед студентами. — Саша ушёл из дома. В этом отчасти и моя вина, но повлиять на него можешь только ты, — давит на меня своей строгостью.

В её умозаключениях могу с ней поспорить, но не буду. Нет ни сил, ни желания, всё выжжено, будто внутри одна пепельная пустыня.

Поэтому продолжаю молча ждать, что она задумала. Каждая секунда тянется, как вечность, а тишина давит на виски тупой болью.

– Тебе это не интересно? – удивляется моему спокой-

ствию, в голосе сквозит едкое недоумение.

Не понимаю, чего от меня нужно. Подставиться? Стать грушей для битья? В ноги ему упасть? Сатир не оценит. Он давно перестал видеть во мне человека. Только инструмент, который можно сломать и выбросить.

После того как я пыталась оправдаться, неделю в больнице провалялась. Душа болела так, будто её пропустили через мясорубку. Шрамы на сердце затянулись, но внутри всё ещё кровоточит.

И он не пожалел. Не пришёл ни разу. Ему было плевать, где я и что со мной. Ни звонка, ни сообщения. Только глухая, ледяная пустота вместо поддержки.

— Я ничем не могу вам помочь. Вы знаете, что я с самого начала была против кандидатуры вашего сына. Но вы настояли. Мало того, вы проводили свои манипуляции в обход моему желанию, — не могу я молчать, когда на меня наезжают.

Слова летят сами, наплевав на комок в горле.

Она приподнимает брови от удивления. Неужели думала, что я не узнаю? Что буду покорно молчать, глотая яд её манипуляций?

— Например? — требует ответа в ультимативной форме, голос звучит жёстко, без намёка на компромисс.

— Браслет? А жасмин? Вы же понимали, что давите на его психику, не даёте передохнуть, — вспыхнула я внезапно. — Как итог — одержимость. И что вы хотели? Вы думали, он

примет и простит? Нет! Вы только представьте, сколько боли и ощущения предательства в нём скопилось. И это всё он вымещает на мне. На мне! — резко встаю со стула, потому что мне не о чем больше с ней разговаривать.

В груди клокочет ярость пополам с отчаянием, а руки дрожат от напряжения.

— Ты лучшая моя ученица. И только ты можешь обернуть все процессы вспять! — кидает мне в спину свои мысли, оставившая у двери.

В голосе звучит отчаянная надежда, смешанная с угрозой.

— Иначе? — смотрю на ручку двери и ожидаю приговора, чувствуя, как раздражаюсь ещё сильнее.

— Я не хочу на тебя давить. Но мне придётся, если ты не вернёшь мне сына домой, — понижает голос, и я, кажется, слышу материнскую боль.

Глухую, затаённую, но такую осязаемую. В этот момент она не властная манипуляторша, а просто мать, потерявшая ребёнка.

— Я подумаю, — тихо отвечаю и выхожу в коридор, с трудом переставляя ноги.

Сердце колотится как ненормальное, отдаваясь пульсацией в висках.

Везде я виновата. Этот груз давит на плечи, сгибает спину. Эта ситуация давит, как бетонная стена, готовая обрушиться в любой момент.

А мне хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, рас-

твориться в воздухе, лишь бы не чувствовать...

4 глава

Ника

— И куда мы так бежим? — перехватывает меня за талию Ярик. **
** Будто специально поджидал у выхода из универа.

Почему он всегда появляется в самый неподходящий момент? И почему именно так — резко, неожиданно, будто хочет застать врасплох?

Мне некомфортно в его руках, будто что-то липкое склевывает тело.

— Отпусти! — вырываюсь из цепкого захвата, поправляя белую рубашку.

— Да понял уже, — поднимает руки, будто сдаётся. — К тебе нужен подход. Ну, в принципе... — задумался он. — Я готов подождать, но недолго. Всё-таки спортсмен, кровь кипит, — типа намекает.

Спортсмен, да. И считает, что это даёт ему какие-то особые привилегии. Его уверенность раздражает, будто мир крутится вокруг него, а все остальные просто должны подстраиваться.

Сатир был другим.

Мысленно возвращаюсь в недавнее прошлое. И тут же себя осекаю.

Нет больше того Сатира. Я его сломала.

Тяжело признавать свои ошибки, но так и есть. Я — зло-

дейка в нашей общей сказке с открытым финалом.

Хмуро смотрю на его красивую белозубую улыбку. Надо оно мне? Только как щит. Мне кажется, Сатира ничего и никто не остановит. Но попробовать стоит.

Сатир... Одно его имя вызывает дрожь. Если он решит поиздеваться надо мной, никакие преграды не помогут.

Но Ярик... Может, его навязчивость сейчас сыграет мне на руку? Хоть и противно это признавать.

— Довезёшь? — сама напрашиваюсь, придумав кое-какой план.

Его улыбка становится шире, Яр даже слегка удивлён. Видимо, не было в его планах катать меня по городу.

— Да без вопросов, — выкатывает локоть, я цепляюсь за него. — Может, в кафешку? Жрать хочу после трени, а ж кишки сворачивает, — его жаргон бьёт по ушам, но что поделаешь, придётся терпеть.

Кафешка... Ну нет, у меня другие планы. Главное — не дать ему понять, что я использую его. И не показать, как мне на самом деле страшно.

Набираю номер Веры:

— Ты дома?

— Да, но скоро убегаю, — раздражённо отвечает.

Ну уж нет, никуда ты не убежишь. Мне сейчас очень нужна твоя помощь.

— Дождись меня, — и отключаю вызов.

— Ну так, что? В кафешку? — Ярик открывает дверцу ма-

шины.

— Нет, ко мне. Я тебя накормлю, — план-капкан, который хочу проверить, должен сработать.

— Даже таак... — кажется, в его голове совсем другие мысли, отличные от моих.

Он уже вообразил себе какой-то романтический вечер? Наивный.

Да плевать. Пусть думает, как хочет. Мне нужна его защита, а сам он не в моём вкусе.

Пока едем, Ярик находится в страстном предвкушении. Пытается положить ладонь на мою ногу, но я быстро отсекаю его поползновения в мою сторону.

А в аптеку заехать, так вообще идиотизм полный. Но пусть мечтает. В его возрасте фантазии нужны для поднятия эго.

Наконец-то доезжаем до моего дома. Он удивляется, видя элитный райончик. Не думал, что я из их достатка.

Вот как получается, не всегда можно судить по обложке. Я никогда не кичусь деньгами или своим статусом, стараюсь быть тихой и неприметной. Так проще. Так безопаснее.

А вот сестрёнка как раз полная противоположность. Начиная с одежды, заканчивая невыносимым самомнением.

Она бы сейчас уже вовсю красовалась перед ним, сверкала украшениями и хвасталась связями. А я просто хочу решить свою проблему и остаться в тени. Надеюсь, Вера купится и не станет задавать лишних вопросов...

— А я думал, что ты из простых, — косится на меня Ярик, прищуриваясь, будто пытается меня просканировать.

Серьёзно? Что за стереотипы? «Простые», «непростые»... Будто в какой-то игре уровни разблокируешь.

— Фамилию подскажешь? — он нервно крутит кольцо на пальце.

Ага, сейчас, разбежался. Собирается, наверное, в соцсетях меня найти или ещё чего. Ну уж нет, тут без шансов.

— Не подскажу. Моя фамилия тебе ни к чему. Идём? — выхожу из машины, небрежно хлопаю дверью.

Пусть не думает, что я тут под его дудку плясать буду. Всё, тема закрыта. А его настороженность, даже к месту. Пусть побаивается. Когда-нибудь он узнает мою фамилию, и офигеет ещё больше.

— У меня точно не будет проблем? — уже не такой смелый Ярик.

Он мнётся на месте, топает ногой, как будто ему срочно в туалет надо.

Ой, да ладно, не трясись ты так. Что я, маньячка какая-то?

— Не будет, — отвечаю непринуждённо и открываю дверь подъезда.

Ну, по крайней мере, я на это надеюсь. Но ему-то зачем знать? Меньше знает — крепче спит.

— Сатир за что тебя так? — с опаской смотрит, пока поднимаемся на этаж.

Оглядывается, будто за углом его ждёт банда ниндзя. Бо-

же, какой он драматичный. Будто мы не в подъезд идём, а в логово злодея.

— Ярик, тебе зачем мои проблемы? Если Сатир до сих пор не разболтал, значит, он не хочет, чтобы кто-то узнал, — спокойно объясняю, но внутри всё равно немного напрягает его любопытство.

Да что ж ты такой подозрительный? У тебя своих забот мало, что ли?

Чувствую себя некомфортно рядом с Яром. Его вопросы и насторожённый взгляд будто добавляют плюс сто к уровню неловкости.

— Не хочешь, не говори, — разводит руками, надувает щёки, как обиженный хомяк.

Но по его кислой mine понятно, что он не понимает, чего я от него хочу, и находится в лёгкой растерянности.

Ну да, я не особо дружелюбна сейчас. Но зато честно: чем меньше он знает, тем лучше.

— Проходи, — открываю дверь в квартиру, впуская его первым внутрь.

Ну всё, шоу начинается. Сейчас Вера выдаст спектакль на пять баллов. С драматическими паузами и фирменными взглядами.

Вера вылетает как разъярённая фурия и сразу с претензиями:

— Сколько можно тебя ждать?! — оглядывает Ярика с ног до головы профессиональным взглядом стервы. — Оу, это что

за красавчик? – улыбается своей фирменной улыбкой.

Попалась, сестрёнка! Я же знала, что он тебе понравится. Смотри, уже ресницами хлопает, будто не она пять секунд назад кипела от злости.

Отлично. Я попала в точку. Сестре нравятся такие засранцы, и, кажется, Ярик тоже заценил Веру. Расплылся патокой, выпуская наружу все свои мужские флюиды.

Сейчас начнётся битва титанов: кто кого обаяет. Ярик строит из себя мачо, а Вера — королеву флирта. И оба думают, что это их инициатива.

– Вау, двойняшки? – офигевает от происходящего.

– Нет, погодки, Вера старше, – хлопаю его по плечу. – Снимай куртку, Вера тебя покормит.

Зная её кулинарные таланты: максимум — заварит лапшу быстрого приготовления и скажет, что это авторский рецепт.

Но парень-то об этом не догадывается. Для него сейчас Вера — идеал во плоти.

А еда будет, моего вчерашнего приготовления, но что ни сделаешь ради идеальной картинки.

– Ты меня, конечно, удивила, – разматывает Ярика окончательно.

Сама в шоке, хотя... Нет. На это и расчёт. Пазл совпал благодаря моим умственным способностям.

– То ли ещё будет, – отвечаю ему хитрой ухмылкой. – Проходи на кухню, нам с сестрой надо поговорить.

Ярик проходит мимо Веры, чуть не облизывая со всех сто-

рон. Сестра горит от предвкушения, но я быстро утягиваю её в комнату.

— Это что за красавчик? — её глаза горят как два лазера.

— Он же просто топ!

— Это твой подарок. Можешь делать что хочешь. Но с условием, — замолкаю я, чтобы она успела переварить информацию.

— Начинается, — закатывает глаза сестрёнка. — Опять какие-то заморочки?

— Он должен стать моей защитой в универе. Это всё, что требуется, — устало выдыхаю.

— От кого? — хмурится, не понимая.

Ну да, конечно, я же не рассказываю ей, что Сатир открыл на меня охоту. Каждый раз, когда вижу его, хочется просто провалиться сквозь землю. Он реально умеет унижить так, что потом неделю хожу как раздавленная.

— Ярик знает. По рукам? — протягиваю ладонь.

— Мне-то какая выгода? Я и так ему нравлюсь, — начинается торг. — Может, ты ещё и мерч какой подаришь?

Ох, Вера, ты неисправима. Хитрее меня, это факт. Пора бить козырем.

— Ладно. Бассейн. После окончания универа я сделаю дарственную на тебя, — продолжаю держать ладонь протянутой.

Вера на секунду замирает, потом её лицо расплывается в хищной улыбке.

— Оу, вот это уже серьёзно. Ладно, по рукам! — она с наслаждением жмёт мою руку.

— По рукам, — киваю я, чувствуя, как внутри немного отпускает.

Теперь главное, чтобы Ярик не спасовал. Иначе вся схема рухнет, и я снова останусь одна против Сатира. Ну, или придётся придумывать новый план...

Мама давно переписала на меня свой бизнес. Хотя управлением занимается сама. Везде свои люди, директора и управляющие.

Я не касаюсь ничего, являясь лишь владелицей. Ну и ладно — мне так даже удобнее. Никаких совещаний, отчётов и головной боли. Сиди себе, учись, живи спокойно. Идеальный расклад, если честно. Тем более, что у меня другие планы на эту жизнь.

Кроме бассейна, ещё много недвижимости. Но именно на бассейн Вера положила глаз. Не знаю, что её там так привлекает. Может, она уже придумала, как превратить его в модный спа-комплекс с фотозонами?

Мне он не нужен, а Вера с ним справится лучше, чем я. Да и пусть — ей виднее, она в этом разбирается.

— Беги, обольщай. Но запомни. Он мне нужен до конца универа. А ещё лучше, если и его друзья будут приглядывать, — дополнила наш договор словесно.

— Окей, сестрёнка! — поправила рыжую копну волос и пошла к Ярику.

А я завалилась на кровать и выдохнула. Теперь будет проще погрузиться в учёбу и не оглядываться в коридорах университета.

5 глава

Сатир

— Ты посмотри, какая девочка! — присвистывает Шершень, глядя на нашу преподшу, танцующую на танцполе в кругу своих подруг.

Непривычно видеть Эльвиру Николаевну в таком вызывающем виде. По инерции сравниваю с рыжей. Зад зачётный, остальное не в моём вкусе.

— В каком месте она девочка? На лицо посмотри, — заливаюсь вискарём, чтобы заглушить грёбаную рыжую тоску.

Он приглядывается, облизывается, как настоящий котяра:

— Это мы удачно зашли. — И не смущает его, что преподша лет на восемь старше, что у неё богатый папик.

Музон долбит, заглушая наши голоса, приходится громче говорить, напрягая связки.

— Шерш, ты идиот. Тебя на милф потянуло? — ржёт над ним Поэт.

А я знаю этот взгляд охотника. Шершня уже не остановить.

— Да в каком месте ты увидел милфу? Чуть старше, зато опытная, — встаёт, дёргает бокал залпом и прётся на танцпол.

— Отчаянный. Мэрс ему яйца вырвет и подвесит над дверью, как колокольчики, — разливаю снова и продолжаю изу-

чать толпу.

— Мы его предупредили, — отвечает Поэт, пристально смотря на меня.

Расслабиться не особо выходит под присмотром Поэта, да и вообще не вижу ни одной зачётной телочки.

В каждой вижу изъян. У одной ноги кривые, у второй волосы как солома, у третьей зубы кривые, у четвёртой тело сплошняком — ни талии, ни жопы. И так можно до бесконечности.

И почему меня раньше это не волновало? А теперь, как под лупой, рассматриваю каждую. Хотя мне надо лишь начать с любой, потом разогнаться и снова потерять счёт в бесконечном сексе.

По факту. Как лошара, выбираю идеал ботаника. Только перед глазами стоит этот рыжий визуал и, как трафарет, на всех накладывается, и ни одна сука под него не подгоняется.

— Дыру прожжёшь! — опять неуправляемая злость лезет из меня.

Поэт перегибает. Думает, что я двинулся. Пасёт меня, как задрота. Но я рад, что у меня есть такой друг.

Бабы — они ведь как песок. Сквозь пальцы ускользают песчинками, не оставляя следа. Вот и рыжая катится ко всем чертям. Она и так будет гореть в геенне, а я ещё дровишек подброшу для скорости.

— Может, выслушать Нику? Вдруг не всё так страшно, как ты себе надумал, — Поэт не теряет надежды.

Хрёнов оптимист. Меня толкает в пучину, а сам до сих пор одиночка. Не стремится он шею подставить под чей-нибудь острый каблук.

— Подопытный Александр Тирский всё прочитал, сделал выводы и понял, что все бабы — суки. Без исключений. Даже родная мать, — хлопаю ещё бокал.

Горечь гасит пламя ненависти, заглушает внутренний шёпот, без конца твердящий о жасмине и жестоких губах, поиздевавшихся надо мной.

— Вот же мегера, — возвращается Шерш, держась за красную щёку.

Мы разражаемся громким смехом от вида поколеченного друга. Ну идиот же. Куда полез? Элька у нас баба строгая, хоть и не скажешь так со стороны.

— Стой, не говори. Послала в ебенья и придала скорости? — продолжаю угорать над ним.

Шерш озверел от отказа. Понимаю его. Таким, как мы, не отказывают. Мы берём, что хотим, и кого хотим.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Кто в ебенья, а кто в трусы к секси Элечке, — заявляет без всяких сомнений.

И по-любому так и будет. Только муж её — такая приличная, дорогая стена. Мы, конечно, все в шоке были, когда узнали, кто её муж. Там явно расчёт с её стороны. Значит, змеюка ещё та.

— Не лез бы ты на неё, братан. По базарам, она из эскортниц. Ты ей никуда не устрался. А вот папка твой может попы-

тать счастье, — делаю последнюю попытку успокоить друга.
— Завались, со своей разберись, а с этой я сам справлюсь,
— накатывает ещё вискаря.

Берёт телефон и вызванивает девочек.

— Без базара. Дерзай, — подзываю официанта, рассчитываюсь.

— Ты куда? — беспокоится Поэт.

Пора съезжать от него, пока он меня не вывел своей навязчивостью.

— Есть у меня одно дельце. Буду поздно, — ухожу уже на веселе.

Прыгаю в тачку и еду по уже знакомому адресу, предварительно написав ещё одной кобре.

Эта змея за деньги продаст родную мать, не то что сестру.

Зачем я это делаю? Не могу себе объяснить. Кроет меня не по-детски. Ночами не сплю от собственной злобы. Просто отпустить не получается.

Хочу... Много чего хочу, а главное — мести. Боли её хочу. Видеть, как она страдает. Как ей хреново, так же, как и мне. Уничтожить, раздавить, на колени поставить!

6 глава

Сатир

Выхожу из тачки, а Вера уже поджидает у подъезда. Уверенность из неё бьёт ключом. Схожестъ с моей рыжей притягательна, но это лишь оболочка, несопоставимая с тем, что меня привлекло к Нике.

— Ключи давай, — протягиваю руку без расшаркиваний.

По её виду не скажешь, что она горит желанием мне помогать. Но условие своё ставит.

— А мне что с этого будет? — хитро улыбаясь, переминается с ноги на ногу.

Дорогая шубка не спасает её от холодного ветра.

— Сколько? — вытаскиваю телефон из кармана.

Её меркантильный взгляд на жизнь вызывает отвращение. Но не мне судить. Я не жил в нищете, не нуждался, хотя и Вера не похожа на голодающую. Просто очередная кобра, любящая бабки.

Закатывает глаза, будто ещё не придумала. Но по ней понятно, что такса есть и уже давно. Набивает цену, как истинная сука.

Перевожу озвученную сумму, получаю ключи и предупреждение в спину:

— Она не одна.

Лучше бы она молчала. Вот тут все настройки сбиваются.

Как удар под дых с последующим удушением.

Значит, не шутила, что парень есть, или придумала очередную подставу?

Ускоряю шаг, чтобы успеть что? Чтобы предотвратить? Чтобы устроить разнос? Устроить точечный апокалипсис?

Но мне уже похрен. Анализировать поступки в такой агонии бесполезно. Да я и не собираюсь. Я делаю что хочу и когда хочу! А сейчас я хочу крушить и убивать!

Вспышки гнева долбят в голову, будто дятел выбивает дупло. Пульсируют красными импульсами в глазах. Дыхание сбивается к чёртям, разнося немыслимый сдвиг по фазе.

Перебойные хриплые вздохи поднимают давление в черепушке. Гул в ушах заглушает мир вокруг.

Скорость развиваю нечеловеческую. Тороплюсь за своей добычей. Своими игрушками не делюсь. Я сам с ними играю — с удовольствием психа.

У двери меня уже трясёт от перенапряга. Вены на руках вздулись, шея будто не моя. Ненавижу это состояние, но и забить не могу.

Ключ входит как по маслу, открывая двери в мир моей агонии. Плохо соображаю. Действую на звериных инстинктах, будто чужак забрался в мою стаю, наводя свои порядки.

Ярость пожирает меня изнутри, доводя до безумного шквала эмоций.

Быстро преодолеваю прихожую, оцениваю комнаты на наличие препятствий. Везде пусто, ни души. Остаётся одна

преграда — закрытая дверь в комнату рыжей.

Даже если бы она была под напряжением, я бы всё равно вошёл. Меня ничего не может остановить.

Сколько ещё она туда приведёт? Скольким снесёт крышу от ярко-рыжих волос, от аромата жасмина и таких блядских, желанных губ?

Я видел в ней чистую душу, а она оказалась хищницей, ворующей сердца. Тварью бездушной, влюбляющей в себя за лакомое местечко.

Дверь на прицеле, не раздумывая, ногой выбиваю с размаху. Грохот по стене, как разорвавшаяся граната. Картина маслом, как в сопливых фильмах.

Меня окончательно накрывает, видя, как рыжая сидит за столом вместе с Ярм. Они оборачиваются. Рыжая в испуге отшатывается, а Яр непонимающе смотрит, так, будто я уничтожил их идиллию.

— Яр! Твою мать! Это моя территория!

Всё внутри протестует, разрывая в клочья мои ожидания.

— Уходи! — слышу голос рыжей сквозь пелену бешенства.

Жилы тянет от обилия жажды придушить их обоих. Кулаки хрустят, скручиваясь в яростные шары для боя.

Яр встаёт с места, и я моментально налетаю на него, сгребая за грудки, но оппонент попался достойный.

— Сатир, ты охренел! — вбивает меня в стену Яр. — Успокойся!

— Это ты охренел! — собираю силы и впечатываю его в другую стену, разнося половину комнаты. — Ты на моей территории! На моей! Понял?! — рычу на него зверем.

Пелена перед глазами. Готов разнести всех к чёртям.

Рыжая где-то притихла. А я погружаюсь в войну с достойным соперником.

— Выйдем, поговорим! — откидывает меня от себя рывком.

Кидаю многообещающий взгляд в сторону рыжей стервы. Она виновник всех моих бед. Её я ненавижу, а не Яра.

— Выйдем! — отвечаю, глядя в затравленные глаза суки.

Пусть видит ненависть в моих глазах. Пусть боится моей ярости.

Она вздрагивает от моего крика, цепляясь за душку кровати руками. Будто её что-то может спасти от моего гнева.

«Нет, тварь! Ты у меня на прицеле. Я со свету тебя сживу и уничтожу, как ты уничтожила меня».

— Я вернусь, — хриплю от горечи во рту.

Выходим из подъезда. Я нервно вдыхаю холодный воздух, стараясь успокоиться. Яр нормальный пацан. Мы с ним никогда не воевали, у нас разные интересы. У каждого своя шайка, но...

Он забрался туда, куда не стоило! А такого я не прощаю.

— Ты как? — интересуется, видя, как меня гнёт по жести.

Вижу нормальный настрой футболиста.

— Хреново. Ты зашёл на мою территорию, такого я не

прощаю. Или ты валишь, или я не ручаюсь за последствия!
— предупреждение звучит как приговор.

Я не намерен отступать. Моё слово — закон, а торговаться не привык.

— Ха, с хуя ли? Ника свободная девчонка. Или вы встречаетесь? — задаёт резонный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.